

УДК 81.367
ББК 81.02

СЕМАНТИКА ПОСЕССИВНОСТИ И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ В СЛОЖНОМ СИНТАКСИЧЕСКОМ ЦЕЛОМ

А.В. Короткова

Исследуются способы реализации посессивной категориальной ситуации в сложных синтаксических целых. Рассматриваются модели, по которым построены изучаемые посессивные конструкции. Главным критерием различия данных моделей является степень вовлеченности посессивных единиц в раскрытие общей категориальной ситуации.

Ключевые слова: категория посессивности, сложное синтаксическое целое, категориальная ситуация, функциональный подход, изофункциональность.

Посессивные отношения актуализированы в различных сферах человеческой жизнедеятельности, поэтому рассматриваются не только в лингвистике, но и в философии (Аристотель, И. Кант, М. Экхарт, Г. Марсель), логике (А.Ф. Лосев), психологии (Э. Фромм, З. Фрейд), вследствие чего возможны различные интерпретации понятия посессивности. Мы трактуем ее как понятийную категорию, имея в виду, что понятийные категории «служат тем соединяющим элементом, который связывает, в конечном итоге, языковой материал с общим строем человеческого мышления» [5, с. 6]. В научной литературе в качестве эквивалента используется термин «семантическая категория» (А.В. Бондарко, Г.С. Щур и др.).

Подходы к изучению интересующей нас категории достаточно разнообразны. Концеп-

тосферу посессивности описывают ученые, работающие в рамках когнитивной парадигмы (В. Heine, Н. Seiler). Поскольку концепт может иметь различную когнитивную природу (фрейм, сценарий, схема и т. д.), существует представление о посессивности как фрейме с динамической структурой (М.В. Милованова). Иной способ концептуальной организации избрал Б. Хайне, создав набор из восьми посессивных событийных схем (event schemas) (В. Heine). Изучение особенностей национальных языковых картин мира сквозь призму посессивных отношений осуществляют представители лингвокультурологического направления (М.В. Милованова, Н.Н. Левина, О.Н. Исаева, Е.Ф. Нечаева). Исследование соотносительности субъекта и объекта обладания с внешним миром осуществляется в свете теории референции (Н.А. Васильченко, А.В. Короткова). Актуальным для сопоставительной лингвистики является вопрос, каким образом и при помощи каких языковых средств категория посессивности реализуется в различных языках (О.Н. Селиверстова,

К.Г. Чинчлей, С.М. Давлетшина, И.Х. Рустамов). В русле типологических исследований появилась классификация, разделяющая языки по способу выражения в них посессивных отношений на «иметь»-языки, использующие в качестве универсального средства конструкции с глаголом «иметь», и «быть»-языки, в которых «быть» занимает позицию посессивного предиката (А.В. Исаченко). Такая многоаспектность в изучении посессивности отражает глубокие связи данной категории с мышлением человека и внешним миром. В настоящей работе посессивность исследуется с точки зрения функционально-коммуникативного подхода.

Категория посессивности последовательно реализуется на различных уровнях языковой системы: морфемно-морфологическом (падежи существительного: родительный, дательный, реже другие; притяжательные и другие суффиксы; префиксы типа *без-*), лексико-семантическом (реляционные глаголы обладания/принадлежности: *владеть, обладать, принадлежать*; акциональные глаголы донативного действия: *купить, получить, украсить* и др.; притяжательные, вопросительные, возвратные местоимения: *мой, его, свой, чей* и др.), синтаксическом (конструкции с глаголами *быть, иметь* и др.).

Все эти разнообразные средства передачи посессивной семантики объединяются исследователями Петербургской школы функциональной грамматики в функционально-семантическое поле посессивности. Категория посессивности «включает несколько субкатегорий, в основе которых лежат отношения обладания, принадлежности, партитивности и т. п.» [7, с. 100].

Центр предикативной посессивности составляют конструкции с эксплицитно представленными тремя элементами посессивной ситуации – посессор, объект обладания, предикат с посессивным значением. Основным средством выражения посессивности в русском языке (как типичном «быть»-языке) является конструкция *у меня есть* [там же, с. 101]. Для выражения значения принадлежности используется глагол *принадлежать* (в конструкциях типа *Дом принадлежит мне*) [там же, с. 117]. В семантике посессивности выделяются две области значения – отчуж-

даемая и неотчуждаемая принадлежность (М.А. Журиная, И.Б. Долинина, О.Н. Исаева). Сфера неотчуждаемости напрямую связана с реализацией субкатегории партитивности, центральным способом выражения которой являются конструкции с так называемыми «посессивными актантами» (*Он открыл глаза, Она подняла руку*) [1, с. 127–129]. Показателями атрибутивной посессивности являются притяжательные и возвратные местоимения, притяжательные прилагательные и существительные в форме родительного падежа, а также прилагательные пропозитивной семантики типа *горбатый, усатый, безрукый, бездетный* [7, с. 103–105].

Можно было бы говорить о достаточной исследованности способов реализации категории посессивности на различных уровнях языковой системы, если самой крупной единицей синтаксиса считать предложение. Однако становление лингвистики текста открыло возможность для изучения более емких единиц – таких как сложное синтаксическое целое (сверхфразовое единство, прозаическая строфа) и текст (О.И. Москальская, И.Р. Гальперин, Н.В. Малычева). В связи с этим мы предпринимаем попытку изучить особенности реализации семантики посессивности в масштабах сложного синтаксического целого (ССЦ). Вслед за М.Я. Дымарским под ССЦ мы понимаем строевую единицу текста, представляющую собой группу высказываний, объединенных вокруг единого смыслового центра [2, с. 103].

В соответствии с теорией изофункциональности (Ю.Ю. Леденев) возможно дальнейшее членение синтаксического уровня языка на ярусы, среди которых выделяются простое неосложненное предложение, простое осложненное предложение, сложное предложение, ССЦ и текст. Единицу, представляющую один из этих ярусов, признают инвариантом по отношению к единицам других ярусов. Инвариантной посессивной конструкцией является простое неосложненное предложение, включающее субъект обладания, посессивный предикат и объект обладания: *У Аллы есть машина, Он купил апельсины, Виктор проиграл много денег.* «В пределах своего уровня языка... инвариантная единица может обнаруживать способность к сжатию, сверты-

ванию, компрессии и к развертыванию, распространению, деривации. Процессы свертывания при сохранении общего семантического и функционального значения располагаются в зоне ее ретроспективы, а процессы развертывания, напротив, в зоне ее перспективы» [4, с. 76]. Следовательно, ССЦ, реализующее посессивную ситуацию, относится к зоне перспективы инвариантного посессивного предложения. В этом случае пишущий (говорящий) выбирает наиболее полную форму высказывания, руководствуясь определенной коммуникативной задачей.

Мы видим три потенциальные возможности реализации посессивной семантики в ССЦ. Первая заключается в собственно репрезентации посессивной ситуации, где посессивные единицы представлены эксплицитно и непосредственно организуют ССЦ.

(1) 1.1. За четыре года совместной жизни *они скопили две тысячи долларов*. 1.2. *У них было восемнадцать породистых коров и свой автомобиль*. 1.3. Все шло так хорошо, что лучшего они не желали. 1.4. И вот в феврале тридцать четвертого года произошло несчастье. 1.5. *Жена упала с лестницы и получила сложный перелом позвоночника*. 1.6. Начались операции, лечение, и за полтора года *все, что у них было, ушло на докторов*. 1.7. В конце концов, это больше походило на налет бандитов, чем на человеколюбивую медицинскую помощь. 1.8. *Доктора забрали все – и наличные деньги, и деньги, вырученные от продажи всех восемнадцати коров и автомобиля*. 1.9. *Не осталось ни цента* (И. Ильф, Е. Петров. Одноэтажная Америка).

Посессивная ситуация реализуется главным образом за счет конструкций с посессивными глаголами. *Они скопили* (1.1) – глагол указывает не только на факт обладания чем-либо, но и на способ получения в собственность – «собирать понемногу», а также на желание сберечь объект обладания неприкосновенным (по крайней мере, какое-то время). «Это очень емкое понятие, включающее в себя несколько составляющих: *собирать, хранить и сберегать*» [6, с. 25]. В 1.9 глагол *остаться* употребляется в значении «сохраниться». В предложениях 1.1, 1.2, 1.9 мы встречаем различные способы грамматического представления субъекта, за которыми стоит один и тот же денотат – супружеская пара, о которой идет

речь в ССЦ: *они скопили, у них было, у них* (имплицитно) *не осталось*. Глаголы *скопить* и *не остаться* выражают посессивное действие с противоположно направленным вектором: приобретение – утрата.

Объектом накопления в примере (1) являются деньги. Как в первом, так и в последнем предложении мы встречаем наименование денежных единиц в позиции объекта обладания: *две тысячи долларов, ни цента*. Эти наименования помимо связующей выполняют также дополнительную экспрессивную функцию. Если в 1.1 счет идет на доллары, то в 1.9 – уже на центы, что подчеркивает степень обнищания супружеской пары. Антонимичные по смыслу (в данном контексте) глаголы *скопил* и *не осталось* создают тематическую и структурную завершенность ССЦ.

Конструкция *у них было* встречается в рассматриваемом ССЦ дважды. В 1.2 – как наиболее типичная для русского языка конструкция обладания, в которой объекты обладания включаются в посессивную сферу субъекта. Повторное употребление в составе придаточного предложения находим в 1.6.

В предложении 1.6 глагол *уйти* (*на кого-то*) употребляется в значении «израсходоваться». Факт утраты нажитого имущества передается конструкцией без указания на активное действие со стороны нового приобретателя. Однако последний вводится уже в 1.8: *доктора забрали все*. Глагол означает вступление субъекта в посессию и имеет дополнительный оттенок значения «против воли предыдущего владельца».

Конструкция *жена получила перелом позвоночника* разделяет ССЦ на «до» и «после». «До» характеризует достаток, «после» – потерю имущества. В 1.5 о травме сообщается в терминах обладания, то есть как о приобретении субъектом нового состояния: использование глагола *получить* в переносном значении преобразует фразу *слопать позвоночник в получить перелом позвоночника*. Следовательно, здесь речь может идти об обратной когезии.

Активно задействованы в реализации посессивной ситуации наименования объектов обладания. *Восемнадцать коров и автомобиль* упоминаются дважды – в предикации их

отнесенности к сфере обладателя, а затем утраты. Мы наблюдаем повтор местоимения *все* в позиции объекта обладания. В 1.6 оно поясняется предикативным оборотом *что у них было*, а в 1.8 выступает как обобщающее слово со следующей за ним расшифровкой. Трижды встречаем наименования денежных единиц в позиции объекта посессии – 1.1, 1.8, 1.9.

Такой способ реализации посессивной семантики в ССЦ представляется нам наиболее развернутым и полноценным. Мы имеем данную разновидность ССЦ собственно-посессивной.

Иначе устроены ССЦ, в которых посессивная ситуация не попадает в фокус сообщения, но выступает в качестве условия адекватного понимания его содержания.

(2) Ко мне застенчиво приблизился мужчина в тирольской шляпе:

– Извините, могу я задать вопрос?

– Слушаю вас.

– Это дали?

– То есть?

– Я спрашиваю, это дали? – Тиролец увлек меня к распахнутому окну.

– В каком смысле?

– В прямом. Я хотел бы знать, это дали или не дали? Если не дали, так и скажите.

– Не понимаю.

Мужчина слегка покраснел и начал торопливо объяснять:

– У меня была открытка... Я – филокартист...

– Кто?

– Филокартист. *Собираю открытки...*

Филос – любовь, картос...

– Ясно.

– У меня есть цветная открытка – «Псковские дали». И вот я оказался здесь. Мне хочется спросить – это дали?

– В общем-то, дали, – говорю.

– Типично псковские?

– Не без того.

Мужчина, сияя, отошел... (С. Довлатов. Заповедник).

Факт обладания открыткой с изображением псковских далей породил вопрос, поиски ответа на который и составляют содержание данной структурно-семантической единицы. Посессивная ситуация в данном случае относится к презумптивной части и не попадает в фокус сообщения. Между тем во второй час-

ти ССЦ она актуализируется, поскольку возникает необходимость разъяснить суть задаваемого вопроса. Тогда ситуация становится понятна не только субъекту, задающему вопрос, и писателю, но также вопрошаемому субъекту и читателю. Физическое воплощение посессивная ситуация получает в конструкциях *у меня была открытка, собираю открытки, у меня есть открытка*. Если первая и третья – типичны и нейтральны, то вторая, помимо передачи посессивного отношения, характеризует субъекта как коллекционера (что подтверждается также высказыванием *я – филокартист*). Данную разновидность ССЦ мы назовем презумптивно-посессивной.

Третий способ воплощения посессивной семантики в ССЦ проиллюстрирован в следующем примере.

(3) И старик пользовался ее безграничной любовью. Из страха *потерять* эту любовь он тщательно скрывал перед нею самого себя и искусно показывал только то, что могло поддержать в ее глазах его престиж. Уж давно он *потерял* и уважение и любовь друзей. Давно он сам не уважал себя. Что же у него *останется* в жизни, если он *потеряет* любовь детей, хотя бы он и пользовался ею обманом (К. Станюкович. Жрецы).

В данном случае мы имеем дело с развертыванием в ССЦ концептуальной метафоры «любовь – это предмет обладания человека» (мы опираемся на когнитивную теорию концептуальной метафоры Лакоффа – Джонсона). Многократное использование посессивного глагола *потерять* передает значение «собственно окончания посессии» в отношении объекта обладания *любовь*. Поддерживают обозначенную линию конструкции *у него останется и пользовался ее любовью* (так как «пользование» является одной из сторон обладания). На наш взгляд, в приведенном примере (3) имеет место «перенос когнитивной структуры, прототипически связанной с некоторым языковым выражением, из той содержательной области, к которой она исконно принадлежит, в другую область. <...> ...происходит проекция одной концептуальной области на другую, своего рода экспансия концептов области-источника, в результате которой происходит захват и освоение ими новой области –

области цели» [3, с. 190]. То есть мы наблюдаем проекцию концептуальной сферы посессивности на концептуальную сферу любви, в результате пересечения которых появилась названная выше метафора. Сфера посессивных отношений настолько широка в современном человеческом обществе, что в качестве объектов обладания мы воспринимаем не только предметы, но и людей, чувства, свойства, процессы и т. д. Следовательно, образование подобного рода концептуальных метафор также возможно по отношению к понятиям дружбы, уважения и мн. др. ССЦ, представляющие собой развернутую посессивную метафору, мы именуем образно-посессивными.

Таким образом, в зависимости от степени вовлеченности посессивных единиц в реализацию общей ситуации ССЦ, а также их употребления в прямом или переносном значении, мы выделили собственно-посессивные ССЦ, в которых непосредственно воплощается посессивная категориальная ситуация, презумптивно-посессивные ССЦ, где посессивная ситуация выступает условием корректного понимания сообщения, и образно-посессивные ССЦ, в которых, преломляясь через концептуальную сферу посессивности и выражаясь в ее терминах, воплощаются иные категориальные ситуации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Долинина, И. Б. Конструкции с «посессивными актантами» / И. Б. Долинина // Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. – СПб. : Наука, 1996. – С. 127–137.
2. Дымарский, М. Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX–XX вв.) / М. Я. Дымарский. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. – 284 с.
3. Кобозева, И. М. К формальной репрезентации метафор в рамках когнитивного подхода / И. М. Кобозева // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : тр. междунар. семинара «Диалог-2002». – М. : Наука, 2002. – С. 188–194.
4. Леденев, Ю. Ю. Явления изофункциональности на различных ярусах синтаксической системы языка : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01, 10.02.19 / Леденев Юрий Юрьевич. – Ставрополь, 2001. – 193 с.
5. Мещанинов, И. И. Понятийные категории в языке / И. И. Мещанинов // Тр. Воен. ин-та иностр. яз. – 1945. – № 1. – С. 5–15.
6. Милованова, М. В. Лингвокультурологические характеристики категории посессивности в русском и немецком языках : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.20 / Милованова Марина Васильевна. – Волгоград, 2007. – 44 с.
7. Чинчлей, К. Г. Поле посессивности и посессивные ситуации / К. Г. Чинчлей // Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. – СПб. : Наука, 1996. – С. 100–118.

THE POSSESSIVE SEMANTICS AND ITS REALIZATION IN THE COMPLEX SYNTACTICAL WHOLE

A. V. Korotkova

The article is devoted to the analysis of the ways in which categorical possessive situation may present itself in the complex syntactical wholes. The author describes the patterns the possessive constructions are built on. The key criterion of these patterns distinction consists in the degree of possessivity operating in general categorical situations.

Key words: *possessive category, complex syntactical whole, categorical situation, functional approach, isofunctionality.*